

Проблема этнических контактов и взаимовлияний в последнее время вызывает пристальный интерес исследователей. В глубь веков уходит соседство двух северокавказских народов — осетин и ингушей. За это время у них сформировалось много общих черт в материальной и духовной культуре, выявлению и интерпретации которых посвящен рецензируемый сборник. Его авторы — историки, этнографы, археологи из Москвы, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии — освещают различные аспекты общего и локального в этнической истории и культуре осетин и ингушей на протяжении почти двух тысячелетий. Подобная специальная подборка статей осуществлена впервые и помимо своего научного значения несомненно может содействовать интернациональному воспитанию населения региона.

Сборник открывается статьей В. Б. Виноградова «Вайнахо-аланские историко-культурные параллели (на материалах горной Ингушетии)». Она построена на комплексном использовании письменных, этнографических, археологических, топонимических и других источников и охватывает период в основном с I по XIII в. Ряд положений автора носит дискуссионный характер: такова трактовка некоторых ингушских преданий, термина «Ерда», социального состава переселенцев из горной Ассинской котловины, а также определения этнической принадлежности населения в низовьях реки Армхи¹. В то же время правомерна постановка В. Б. Виноградовым вопроса об активном этническом смещении ираноязычных сармато-алан и аборигенных кавказских групп населения, «в результате чего и происходило формирование той этнокультурной среды, которая определила на Центральном Кавказе один из важнейших этапов этногенеза осетин и сыграла заметную роль в этнической истории горной Ингушетии» (с. 6; здесь и далее в тексте указываются страницы рецензируемого сборника). Автор приводит убедительные свидетельства миграционно-ассимиляционных процессов, протекавших в Джейраховском ущелье горной Ингушетии и служащих подтверждением глубины и разносторонности вайнахо-аланских связей в период средневековья.

В статье В. П. Кобычева «Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей» исследуется довольно сложный вид этнографических источников. Автору удалось проследить основные направления вайнахской колонизации, включая и западное, во время которого предки ингушей «вошли в тесное соприкосновение» (с. 21) с предками осетин. На многочисленных примерах (не всегда, впрочем, удачно систематизированных) автор показывает подвижность этнических границ на Центральном Кавказе, сложность процесса иранизации населения горных районов Осетии, где, возможно, проживали племена, этнические родственные предкам вайнахов. Опираясь на этногенетические предания, В. П. Кобычев вновь выдвигает проблему этнической принадлежности карабулаков-орстойцев, связывая их этногенез с раннесредневековыми аланами. Менее убедительна предложенная автором трактовка преданий о вамполах и дэвах. В. П. Кобычев выявляет «иранские» мотивы в ряде сказаний, доказывая тем самым, что за мифическими персонажами «стоят определенные этнокультурные традиции», ныне находящие свое подтверждение в других исторических источниках. Работа, проведенная автором, показывает перспективность подобного скрупулезного анализа местных этногенетических преданий, публикации которых пополнились новым ценным изданием².

Интересная проблема затрагивается в статье В. Х. Тменов «Древние верования осетин и ингушей и их отражение в памятниках материальной культуры». Автор выявляет определенную общность политеистических верований и культовых сооружений осетин и ингушей. Однако В. Х. Тменову, на наш взгляд, пока не удалось в достаточной мере вскрыть причины возникновения общего и особенного в религиозных представлениях и культах соседних народов, проследить их взаимовлияния и контакты в данной сфере. А она есть (например, моления на Столовой горе). Статья снабжена хорошим иллюстративным материалом, позволяющим согласиться с авторским анализом особенностей святилищ-зданий (склепообразных, по определению автора) и святилищ-столпов Ингушетии и Северной Осетии. При этом В. Х. Тменов, как нам кажется, справедливо считает столпообразные святилища более ранними. Автор неоднократно указывает, что языческие (политеистические) представления осетин и ингушей подвергались «определенной христианизации» (с. 42, 43, 56). Это, на наш взгляд, привело к образованию сложной синкретической системы, в которой переплетались и видоизменялись элементы язычества и христианства³. В. Х. Тменов же ищет среди местных культовых памятников XII—XIII вв. или чисто языческие, или чисто христианские сооружения, что вряд ли правомерно.

Подобные поиски (видимо, бесперспективные) конфессиональной чистоты у позднесредневековых горцев Центрального Кавказа имеются и в статье М. Б. Мужухоева «К вопросу об интерпретации некоторых культовых памятников Северной Осетии эпохи средневековья». Считая известные культовые сооружения Ингушетии языческими⁴,

¹ Ср: *Мамаев Х. М.* Л. П. Семенов как исследователь раннесредневековых погребальных памятников Центрального Кавказа//Л. П. Семенов — профессор-кавказец, ученый-интернационалист: Тезисы докладов и сообщений. Грозный, 1986. С. 24—26.

² Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.

³ *Бараниченко Н. Н.* Доисламские верования и культуры в исторических системах общественных отношений вайнахов: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1985. С. 12—16.

⁴ *Мужухоев М. Б.* Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (по материалам раскопок автора в 1970—1980-х годах)//Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 62—92; *его же.*

автор так же трактует и аналогичные памятники Северной Осетии. Однако М. Б. Мужухоев «при определении функционального назначения памятника» (с. 77) отказывает в информативности таким важным признакам, как ориентировка построек, алтари и алтарные преграды, солен, изображения крестов, фрески, паличие вблизи культовых сооружений христианизированных погребений в каменных ящиках и др. Культовые постройки у осетинских селений Доуифарс, Галиат, Фараскат, Цей, суммарно датируемые XII—XIV вв., автор предлагает осмысливать как языческие святилища, приспособленные для христианского культа в XVII в. (с. 82). Однако христианизация горцев Центрального Кавказа отмечена не только в конце XVI—XVII вв., но уже в IX—XIV вв. И не случайно, что названные сооружения, выполнившие, очевидно, роль местных церквей, относятся именно к этому периоду. Таким образом, этапы христианизации, получившие отражение в культовом зодчестве, могут служить одним из ориентиров для периодизации и определения первоначального назначения культовых памятников.

В. С. Уарзати в статье «Осетино-ингушские этнокультурные контакты в материальной культуре» прослеживает близкие параллели в земледельческо-скотоводческом хозяйстве, в архитектуре жилых и погребальных сооружений, одежде, пище, некоторых обрядах осетин и ингушей. Большую часть сходных элементов автор объясняет заимствованиями из осетинской культурной традиции, так и не наполнив реальным содержанием приведенное здесь указание А. Н. Генко о том, что «не только осетины были дающими...», но что случалось, вероятно, и наоборот» (с. 85). К тому же выведенная общность (имеющая зачастую общесеверокавказский характер) находит объяснение в исторических судьбах и этнической истории соседних кавказских народов, общих условиях их жизни и быта.

Статья Д. Ю. Чахкиева «Общие и специфические черты в башенном строительстве Чечено-Ингушетии и Северной Осетии» посвящена в основном мастерам-строителям, возводившим в горных районах боевые и жилые башни, а также иные сооружения. В ней широко представлены собственные этнографические материалы автора. Д. Ю. Чахкиев обосновывает тезис о том, что строительное дело у горцев Центрального Кавказа выделилось в самостоятельный вид ремесла, и также реконструирует некоторые приемы строительства. Тем самым автор опровергает еще бытующие в литературе мнения о приоритете того или иного народа в сооружении башенных комплексов (см. с. 111).

Сборник завершается статьями М. М. Блиева («Русско-ингушские отношения и присоединение Ингушетии к России») и Л. Р. Габовой («К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа накануне и в период русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX века»), содержащими ценные архивные материалы по Центральному и Западному Кавказу, а также по Дагестану и Чечне. Они проливают дополнительный свет на проблему вхождения народов Северного Кавказа в состав России, завершившегося в конце XVIII в. и прогрессивные последствия которого сказались на межэтнических и культурных связях, в том числе осетин и ингушей⁵.

Сборник не лишен и досадных недостатков. В первую очередь это многочисленные опечатки и недоработки. Так, указано «с. Мопи» вместо «Шони» (Шуани) (с. 29); «Портье» вместо «Порты» (с. 136), «культурные памятники» вместо «культовые» (с. 72). Работа П. Г. Буткова датирована 1969 г., тогда как она вышла в 1869 г. (с. 136). На с. 112 из-за многочисленных пропусков слов первый абзац лишен смысла и др. Не всегда точен справочный аппарат: отсутствует сноска 51 (с. 103), пропущена сноска 60 (с. 140); в неправильной последовательности даны сноски 16 и 17 (с. 24) и т. д. Невверно указаны названия мест работы некоторых авторов (см. «Содержание»).

Тем не менее сборник представляет немалый научный интерес для специалистов, занимающихся этнографией и историей Северного Кавказа, так как содержит новые ценные данные об этнокультурных контактах народов Центрального Кавказа, уходящих своими корнями в далекое прошлое.

Н. Н. Великая (Бараниченко)

Из истории язычества вайнахов (пантеон божеств в позднем средневековье)//Сов. этнография, 1985. № 12. С. 99—108.

⁵ *Виноградов В. Б., Умаров С. Ц.* Проблема добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России в исторической литературе//Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 3. Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 1985, С. 21—26.

М. Н. Макалатия. Скотоводство в горной части Восточной Грузии (Туш-Пшав-Хевсурети). Тбилиси: Мецниереба, 1985. 198 с., илл. (на груз. яз.)

В последние десятилетия число этнографических публикаций по традиционному скотоводству народов Кавказа заметно возросло¹. И все же, несмотря на сравнительную изученность этой проблемы, в ней остается немало дискуссионных и неисследованных вопросов. Некоторым из них посвящена рецензируемая монография — итог

---

¹ См., например: *Шамиладзе В. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979. Там же библиографический вопрос.